

Тэмуджин. Книга 4

Автор:

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Книга 4

Алексей Гатапов

Тэмуджин #4

В четвертой книге романа «Тэмуджин» продолжается история юного Чингисхана. Вернувшись из меркитского похода во главе отцовского войска, Тэмуджин обосновывается на верхнем Керулене вместе с другом и союзником Джамухой. Вскоре он идет в поход на могущественного тайчиутского вождя Таргудая, некогда разграбившего отцовские владения, и возвращает от него наследных подданных, многотысячные стада и табуны.

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Книга 4

© Текст. А. С. Гатапов, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Часть первая

Тэмуджин и Джамуха со своими войсками, нагруженные добычей, шли с похода по кружной дороге, через Кереитское ханство, но слухи об их победе уже неслись во все края монгольской степи.

Еще перед возвращением из меркитской земли были отправлены налегке две сотни воинов (одна от войска Тэмуджина, другая – Джамухи) по прямой дороге, через горы, чтобы известили сородичей, изнывающих в ожидании отцов, мужей и сыновей. Отправился с ними и Мэнлиг, обещав Тэмуджину сразу же по прибытии заглянуть в его стойбище в горах и успокоить мать Оэлун.

От тех-то гонцов и разошлась новость по всем сторонам. От джадаранских кочевий разнеслась она вниз по Керулену, а от есугеевских воинов, поддерживавших старые связи со своими борджигинами, перекинулась на Онон.

Монгольские курени загудели разворошенными ульями. Все последнее время – еще с зимней кровопролитной войны между южными и северными родами – народ жил в опаске, что на разодранное, ослабевшее их племя зарятся старые враги, готовят сокрушительный удар. В разговорах только и слышалось об этом.

– Если прямо сейчас ударят всей силой татары или меркиты, мы и оправиться не сможем, – говорили бывалые люди. – И останется нам одно: бежать куда глаза глядят, как дзерены от волков.

– Еще хорошо будет, если удастся, а застанут на месте, тогда уж конец роду... – горестно вздыхали другие.

И вдруг такая новость: соплеменники наголову разбили сильнейших на севере меркитов. Это многолюдное и воинственное племя издавна грозило монголам из-за своих таежных дебрей, и еще ни разу, даже в лучшие времена, не удавалось захватить их врасплох, расправиться с ними. Они нападали внезапно, чаще всего небольшими отрядами, то в одном, то в другом месте, и так же быстро уходили, угоня добычу, а потом умело отбивались из-за своих гор и лесов.

Нежданная весть громом поразила всех: и стариков, видавших в жизни всякое, и молодых, которых словно ошпарило великой радостью; эти зашумели воинственно, рассуждая о том, что они по-прежнему сильны и могут побить любого врага.

От слуха о большой победе повеяло на людей какой-то надеждой, что еще не совсем ослаблено их племя, что роды их еще могут собраться в единую стаю и зажить по-прежнему, без смуты и тревоги.

* * *

В тайчиутском курене, все последнее время – начиная с позорного поражения в войне с керуленскими родами – влачившем тоскливую, безрадостную жизнь, новость в одно утро всколыхнула людей, свежим ветерком пронеслась из конца в конец. Из айлов на открытые места повысыпали харачу, воины, пастухи. По всему куреню, тут и там, чернели толпы мужчин, вразнобой гомонили голоса. Люди взволнованно расспрашивали друг друга о подробностях, жаждали разузнать обо всем доподлинно.

– Давненько у нас такого не было слышно.

– Оказывается, еще можем кого-то и закусать...

– Говорят, все меркитские улусы разгромлены, курени их пеплом развеяны. Одних убитых – не меньше двадцати тысяч!

– А пленных и скота гонят – не сосчитать!

– Вот настоящее дело!

– Это вам не захудалых соплеменников грабить!

Были и такие, что сомневались в правдивости слухов.

– Да неужели это правда? – некоторые недоуменно пожимали плечами. – Уж слишком это непростое дело, такое племя разгромить...

Суровый видом мужчина, сдвинув широкие брови к переносице, почесывая темный лоб рукоятью плетки, рассуждал:

- Ладно бы еще, если встретили в степи меркитское войско да разбили, а чтобы все их курени разгромить, это что-то уж слишком...

- Врут люди! - тут же находились согласные с ним. - Не знаете разве, какой-нибудь недоумок спьяну расскажет про свой сон, другие разносут, как будто на самом деле так было, да еще свое добавят, вот и идут пустые сплетни по степи...

- Таким надо языки отрезать.

- Правильно!

- Нужно найти того, кто пустил эти разговоры.

- А ну, пусть сознается, кто первый наболтал! - Мужчина лет тридцати с осоловелыми глазами, видно, хорошенько опохмелившийся с утра, положил руку на костяную рукоять мадаги. - Сейчас мы ему подкоротим язык.

- Правильно!

- Вранья поменьше будет.

- Надоели пустые разговоры!

- Сознавайся, кто первый рассказал, все равно найдем!

- А будет еще таиться, тогда и глаз выколем!

Злобное, раздраженное выражение появилось на лицах многих. Они оглядывались друг на друга, высматривая тех, кто больше всех говорил о новости.

И тут в устоявшейся, напряженной тишине раздался испуганный голос:

– Если не верите, вот вам правда! У меня сваты в джадаранском курене, вчера ночью от них приезжал человек и сообщил мне.

Это был старик в старой войлочной шапке и поношенной косульей одежде. Взоры толпы обратились к нему. Его стали обступать.

– Кто ходил в поход, чьи войска? – допытывались люди.

– Есугея войско, с сыном его Тэмуджином, и джадаранское, с сыном покойного Хара-Хадана...

– Эти двое? Да они хоть знают, в какой стороне живут меркиты?

– Уж слишком они молоды...

– Не скажите. Если волки, то и молодые будут нападать, а если овцы, только траву топтать...

– Ложь!..

– Сначала выслушайте!.. Вы главного не знаете: с ними ходил кереитский хан со своим войском. Втроем они разгромили меркитов.

– Да правда ли это?

– Я тебе говорю...

– Вон как! Да вы расскажите нам по порядку, как все было... Тихо вы, эй!..
Замолчите все!

– Тогда слушайте... – Старик дребезжащим голосом рассказывал все в подробностях, его слушали, народ стягивался со всех сторон, окружая плотной толпой, напирая друг на друга...

– Вот как все было! – закончил старик и, возмущенно ворча, обратился к другому, такому же согнутому годами, старику: – Вот какая молодежь пошла, ты слышал?

Говорит, языкотрежем... Созвать бы стариков, да самому подрезать, чтобы знал, как со старшими разговаривать.

– Нойоном себя почувствовал, – шепотом хрипел тот ему в уши, опасливо оглядываясь. – Как десятником сделали, так и возомнил. Отец-то его, бывало, седло у меня выпрашивал, чтобы съездить...

– Похоже, что правда! – успокоенно гомонили в толпе. – Есугей дружил с Тогорилом, сын его в дружбе с Джамухой, значит, все верно.

– А кереитский хан и весной приходил на Керулен, помогал тому Джамухе получить отцовский улус.

– С ханом они, пожалуй, никому не под силу.

– Не говорите, им вместе на чжурчженей впору идти, не то что на меркитов.

– Вот у каких нойонов хорошо бы пожить, – громко вздыхал один молодой мужчина с завязанными сзади, гладко расчесанными волосами. – У таких знаешь, за что служишь, а наши лишь между собой грызутся, только и смотришь, как бы ненароком к ним же на зубы не попасть...

– Да об этом Борогол с друзьями давненько уж говорят...

– Надо послушать их.

– И вправду, пойдем-ка, узнаем, что им известно про этого Тэмуджина.

В другом месте шел такой же разговор. Неприметного вида человек, пристально вглядываясь в лица, говорил:

– Это только начало, вы еще увидите... он ханом будет. Шаманы говорят, что боги уже остановили на нем свой выбор.

– Да уж, он не похож на простого человека, – соглашались с ним. – Два года назад ходил тут с кангой на шее, а теперь? Целым тумэном владеет! Разве сможет так обычный человек? Когда такое было, подумайте-ка.

– Да пусть он всех приберет к рукам, лишь бы между собой не воевали.

– Мы только рады будем.

– Хоть один настоящий вождь показался.

Нойонов не было видно среди народа. Скрываясь по юртам, они помалкивали, предчувствуя в этих слухах грозные для себя события. Нешуточное усиление сына Есугея, прежде ограбленного и униженного на их глазах, хорошего им не предвещало.

Таргудай сидел у очага с каменным лицом, крепко задумавшись. Вновь становясь раздражительным, он по всякому поводу хватался за нож, грозя домочадцам убить за ничтожную оплошку, за лишний шум. Одна из служанок уже пострадала: стала убегать от него, он бросил вдогонку нож, попал ей в ногу, в сгиб колена; кровь остановили, но жила была перерезана и та навсегда осталась хромой.

А у него дрожали от досады руки, сердце не находило места в груди.

«Что это за человек? – Таргудай в который раз спрашивал себя и не находил ответа. – Да человек это или дух? Западный или восточный? Родителя его без труда удалось отправить к предкам, а этот – который раз его толкаю в пропасть, как будто наверняка – а он не падает, как заговоренный... А не боги ли тут вмешиваются? – опаленный догадкой, он покрывался страхом: – Ведь предупреждал меня шаман. И сон тот, про филина, видно, неспроста мне приснился. Ах, зачем я поторопился, не подождал до времени! И не было бы ничего этого, сидел бы он в горах...»

Он вспомнил тот день, когда ранним летним утром отправлял Унэгэна к меркитам, наказывал ему: «Смотри, передай слово в слово. Пусть разом уничтожат все семя Есугея, чтобы не было их на земле. Сам и проведешь их...»

И успокоился тогда Таргудай: уверен был, что отныне с отпрысками Есугея покончено навсегда.

«А с остальными врагами я уж понемногу разберусь, – рассчитывал он, думая о керуленских нойонах и о Тогорил-хане. – И татар на них натравлю, и чжурчженей приведу. Они еще вспомнят меня».

Но почему-то вышло все не так...

II

К середине месяца улари[1 - Улари (месяц заморозков) – осенний месяц у древних монголов, соответствует сентябрю григорианского календаря.], за два дня до полнолуния, наконец, Тэмуджин и Джамуха подошли к Керулену с западной стороны – к тому самому броду, к которому месяц назад, в начале похода, подошло войско хана Тогорила.

День был по-летнему теплый, ясный. Отчаянно трещали кузнечики; потревоженные лошадиным топотом, они лихорадочным роем скакали в траве. Высоко в воздухе летали стрекозы, поблескивая на солнце прозрачными крыльями. Некоторые спускались на гривы и крупы лошадей, на покачивающиеся древки копий и мирно подремывали, опустив крылья.

Навстречу идущему войску ласково поддувал ветерок, и с ним уже чувствовался тонкий, дымный запах родных куреней.

Тэмуджин вместе с Бортэ, в окружении братьев и нукеров выехал на высокий увал и издали увидел одинокую кривую сосну на том берегу реки, у которого он месяц назад стоял в ожидании хана. Рядом с сосной желтел склон холма, с верхушки которого он в те дни до слез в глазах всматривался сюда, в эти увалы, по которым сейчас шло их победное войско.

Отсюда тот холм казался маленьким бугорком, скромно прилегавшим к дальним высоким сопкам. Тэмуджину вдруг ярко вспомнилось, как он мучился в ожидании хана Тогорила, сидя под его склоном. Слово наяву слышался – вспомнился крик Хасара, первым увидевшего ханское войско; вспомнилось, как самого его от макушки до пяток обожгла пронзительная радость, как он разом освободился от изнуряющей тяжести ожидания...

Вспоминая пережитое, он вдруг с изумлением подумал о неразгаданной тайне времени, о стоящей перед всеми каждый миг неведомой черте, за которой ничто до поры не может быть узнано.

«Странно все это, непонятно... – Охваченный новой для себя мыслью, он задумался. – Тогда я и знать не мог, что пройдет какое-то время, и по этим сопкам я буду возвращаться с победой, что Бортэ будет со мной... Мучился, изнывал от горя и страха, а теперь свершилось все, и все стало ясно, и легко на душе... Каким-то неведомым, своим путем идет время, расставляет все по местам, а у нас, у людей, впереди будто туман, нам не разглядеть ничего. Только шаманы могут увидеть, да и то они часто ошибаются, их обманывают враждебные духи... – Тут он вспомнил давнее, заветное: – А ведь старый шаман мне сказал, что откроется мое третье око, и я тоже смогу видеть будущее, как же это произойдет?..»

Задумавшись, он некоторое время неподвижно сутулился в седле, но потом, отбросив нахлынувшие мысли, обнял ехавшую рядом Бортэ за плечи, сказал:

– Вон у того одинокого дерева я четыре дня прождал хана с его войском. Оттуда мы и двинулись в поход.

– Правда? – Она тепло прижалась к нему мягким плечом, прищурила глаза, глядя вдаль, на пролегшее широкой дугой русло реки, отмеченное кое-где красноватым пушком тальника. – А я в это время ждала тебя там, гадала, скоро ли придешь... Чудно все это, ты был здесь, а я там, и мы ничего не могли узнать друг о друге...

– Вот и я подумал о том же. Нам, смертным, не дано знать того, что впереди.

– А хорошо бы знать, что будет завтра, ведь правда? Можно было бы подготовиться ко всему, уйти от опасности.

Тэмуджин пристально посмотрел на нее сбоку.

– Этого нам не дано.

– Но ведь страшно так жить: снова могут напасть, убить или в плен увести.

Тэмуджин досадливо вздохнул, нахмурился.

– Не думай об этом. Теперь мы сильны и никто на нас не нападет.

– Хорошо бы... Хочу забыть обо всем.

– Все забудется, когда пройдет время, сама увидишь.

– Поскорее бы добраться до дома, отдохнуть в юрте. Ведь уже скоро?

– Немного осталось. Потерпи.

Пережитое тяжело сказалось на девичьей, еще не окрепшей душе Бортэ и она сильно изменилась за время плена. Стала она неузнаваемо печальной, молчаливой, словно постарела лет на десять или давила ее душу какая-то внутренняя болезнь. Часто она уходила в свои затаенные мысли, при этом как-то странно застывала невидящим взглядом, не слышала его оклика, и тогда он чувствовал, что душой она далека от него, будто все еще оставалась где-то там, в прошлом, так и не освободившись от плена. Голос ее, прежде ясный, звонкий, теперь звучал приглушенно, неуверенно. В погрустневших глазах неуловимо чернел страх.

Тэмуджин тяжело переносил это, порой испытывал жгучее отчаяние, видя, что она уходит куда-то далеко от него и мучается там в одиночестве. Болел за нее душой, однако, не умея ничем помочь ей, помалкивал, чувствуя, что слова утешения, ласки или напускной веселости для нее будут бесполезны.

«Что случилось, того, видно, нельзя изменить», – думал он и надеялся лишь на то, что время понемногу залечит ее внутреннюю рану.

Он заметил, что Бортэ стала бояться людского шума: она невольно вздрагивала, когда поблизости внезапно раздавались громкие мужские голоса, крики или ругань, или когда вдруг взрывались хохотом проезжающие мимо воины. Всю дорогу, оберегая ее, Тэмуджин держался вместе с ней подальше от многолюдных толп. Отдалившись от всех, они ехали далеко в стороне от воинской колонны или, вырвавшись вперед, стремглав рысили навстречу свежему, облегчающему душу степному ветру. На ночных стоянках Боорчи и

Джэлмэ неизменно обходили ближние костры и предупреждали молодых воинов, чтобы они сбавляли свои голоса.

Тэмуджин оторвался от своих мыслей и оглянулся – сзади послышался знакомый дробный топот копыт по сухой земле. Мимо приободрившейся, прибавившей шагу сотенной колонны стремительной рысью догонял их Джамуха.

Ехал он на молодом, полудиком жеребце ярко-рыжей масти, прежде принадлежавшем меркитскому вождю Дайр-Усуну. Джамуха еще в начале обратного пути заметил его в одном из табунов своей добычи, расспросил у пленных, чей это конь, и, тут же взяв волосяной аркан, поймал и объездил его.

Приучив его к седлу, он всю дорогу гарцевал на нем, не сменяя, без устали скакал из конца в конец своих тысячных колонн. Жеребец, к несказанному удивлению окружающих, не показывал даже признаков усталости от долгой скачки. Проскакав весь день, к вечеру даже не запотевал и бежал с такой же неудержимой яростной прытью, что и утром. Подняв оскаленную морду к небу и закусив удила, он несся какой-то остервенелой размашистой рысью, далеко вперед выбрасывая сухие, жилистые ноги с маленькими, с небольшой кулак, копытами, и видно было, что может так проскакать еще очень долго.

За много дней пути жеребец привык к своему седоку, почти перестал уросить и слушался поводыев, однако по-прежнему чурался других людей. Когда кто-то подъезжал слишком близко, он начинал беспокойно перебирать ногами, бил копытами, по-волчьи оскалив зубы, зло ворочая красными глазами. Казалось, вот-вот он бросится, чтобы сбить с ног и затоптать насмерть.

Всем было видно, как Джамуха полюбил своего нового коня: всю дорогу он сам седлал его и расседывал, старательно прилаживая потник и седло, трепал ему гриву, улыбался, как родному, шептал ему какие-то ласковые слова. Тэмуджин наблюдал за ним со стороны и про себя удивлялся тому, как взрослый человек может так сильно привязаться к животному.

С веселой, белозубой улыбкой, прижившейся на его лице в эти дни, после победы над меркитами, Джамуха стремительно приблизился к ним и с заметным усилием придержал жеребца, сваливаясь всем телом назад. Остановив коня в нескольких шагах от Тэмуджина, струнами натягивая поводья, он радостно заговорил:

– Вот и добрались мы до своих долин. Сколько скота и пленных мы пригнали! Теперь увидишь, как нам все позавидуют.

Тэмуджин, скрывая недовольство (беспокоясь за Бортэ, как бы ее не напугал дикий жеребец анды), сказал лишь:

– Да уж, немало...

За время похода, начиная еще с нечаянного столкновения их войск при встрече в верховье Онона, когда стрелки Джамухи убили двоих его воинов, Тэмуджин то и дело замечал с его стороны неосторожные, необдуманные выходки. Тот часто вел себя как избалованный ребенок, но Тэмуджин при этом помалкивал. Он еще по детским годам знал, что анда обидчив не в меру и если по каждому случаю раздражаться и указывать ему, это приведет к ссоре между ними – за дни похода он еще заметил, что тот не любит признавать за собой вину и тяготится даже упреками хана Тогорила. Вот и теперь Тэмуджин промолчал, когда анда на своем диком жеребце неосторожно приблизился к Бортэ, и та испуганно отстранилась, тронув свою кобылу в сторону.

Прикрываясь рукой от солнца, с довольной улыбкой на тонких и влажных губах Джамуха оглянулся назад, долгим взглядом провел по окрестным холмам. По ним, поднимая на сухих, желтоватых склонах коричневый дым пыли, волнами перекатывались гонимые всадниками тысячные стада и табуны. От них по земле доносился тяжелый, отчетливо слышимый гул. Далеко позади под присмотром отдельных сотен устало брели по траве густые пешие толпы – пленные меркиты.

Оглядев добычу, Джамуха выпрямился в седле, кивнул головой вперед, на то место, которое недавно разглядывал Тэмуджин.

– Ну что, анда, как и договорились, встанем здесь одним куренем?

Во время прощального пира, который задал хан Тогорил на берегу Тулы, перед расставанием с ними, Тэмуджин рассказывал Джамухе о том, как перед походом он здесь, у одинокой сосны, ждал хана, изнывая от тревоги и неизвестности. Тогда анда и предложил в память об этом по возвращении встать на том самом месте общим куренем. Тэмуджин не возражал.

Тэмуджин подумал и, осторожно подбирая слова, чтобы не обидеть норовистого друга, сказал:

– Я помню наш уговор, Джамуха-анда, но ведь это было на пиру, в пылу веселья. А сейчас ты еще раз подумай, будет ли тебе удобно стоять тут вместе со мной. У тебя ведь большой улус...

– А чего мне еще раздумывать! – вскинулся тот. – Дали слово друг другу, так нечего изменять. Да и так если посмотреть: вместе мы какая сила! Кто на нас полезет, когда мы будем неразлучны?.. Отсюда и к хану поближе, если что, безопаснее...

– Ну, тогда и говорить не о чем! – облегченно улыбнулся Тэмуджин. – Встанем одним куренем. А места здесь и вправду хорошие.

– Лучших и искать не надо, – подхватил Джамуха. – Ты посмотри, какие тут пастбища! И в стороне от других... Лежали эти земли без пользы неведомо с каких времен, значит, и хозяев нет, никто нам мешать не будет. А травы почти по пояс. – Помолчав, он пристальным, хозяйским взором огляделся вокруг. – Пастбища мы с тобой уж как-нибудь поделим. Я думаю, до зимы лучше продержаться на северной стороне, а южную оставить на зиму. Ты как считаешь? Здесь и снега будет поменьше, сдувается ветром, будет корм скоту... Смотри, вот как мы можем разделиться: туда, в западную сторону, твои земли, а на восток – мои.

– Можно и так... А как же твои дядья?

– Они останутся на месте. – Он пренебрежительно махнул рукой. – Еще рады будут, что я им те земли освобождаю. А если понадобятся, позову их... Прискачут, никуда не денутся. Теперь-то уж, после такой нашей победы, они не посмеют меня послушаться, пригнут свои черные головы... А ты-то своих будешь звать?

Тэмуджин по дороге из похода не раз думал о своих сородичах, мечтая в будущем заново объединить киятский род. Рассчитывал, что помирится с Унгуром и Сача Беки, возлагая надежду на посредничество Кокэчу, их общего друга детства. Представлял, как они заживут общим куренем, весело и безопасно, как прежде. Однако, как ни размышлял он над тем, как приступить к

этому делу, никак не мог найти нужного решения: препятствием всему были сложившиеся за эти годы непростые отношения с дядями. Наотрез отказавшись идти к ним два года назад, когда еще живой дядя Хутугта с Даритаем приезжали к нему в стойбище в горах и приглашали его к себе, теперь он не был уверен, что те сейчас захотят объединяться с ним. Ему казалось, что тот его отказ стал немалым оскорблением для дядей, да и сейчас, будучи младше их по возрасту, но имея в своих руках огромную силу, он не считал приличным призывать их к своему улусу. «Подумают, что как получил отцовское войско, усилился, так захотел взять их под свою власть...» – неопределенно размышлял он, но так и не решил, как с этим быть.

– Не знаю, как они теперь относятся ко мне, – честно признался он. – Ты ведь знаешь, как я с ними расстался. Но пока у меня и других забот хватит.

– Да уж, пожалуй, теперь тебе не до них будет. Войска надо расставить, табуны разместить, семью устроить.

– Дел будет много, – согласился Тэмуджин, отрешенно взглядевшись вперед, вдаль, будто там, под ровным рядом кучевых облаков, нависших над восточным горизонтом, он пытался разглядеть будущее.

Поблизости от них с шумным гомоном проходила сотня всадников, поспешая вперед. Тэмуджина отвлекли от мыслей голоса воинов. Он слышал, как в ближнем ряду молодой воин, по виду почти его ровесник, с недоумением допытывался у пожилого, седоусого десятника:

– Скажите, дядя Халта, как это можно понять: вышли мы в поход на север, а обратно возвращаемся с западной стороны.

– Э-э, да ты еще мало ездил по земле, – насмешливо улыбнулся тот и указал плеткой на темнеющие вдали горные хребты. – Видишь эти Хэнтэйские горы? Мы пересекли их поперек, затем обогнули их с запада и потому идем с этой стороны.

– Правда? – изумленно переспрашивал молодой. – А я и не знал, что их можно вокруг обойти, думал, что у них нет никакого края.

– Всему на земле есть свой край, – наставительно говорил старый воин. – Даже самые дальние земли можно обойти вокруг.

Помолчав, парень опять заговорил:

– А на востоке, говорят, есть страна Хара-Хонин и живут там многоголовые чудовища. До них тоже можно добраться?

– Если они живут на земле, а не на небе, значит, можно добраться. Только не во всякое место нужно ездить.

– А почему?

– Потому что есть нечистые земли.

– А какие это, нечистые земли?

– Давным-давно, когда я еще молодой был, слышал от стариков, что попадешь в какую-нибудь страну и заболеешь неизвестной болезнью...

Тот продолжал говорить что-то еще, но сотня по чьей-то команде взяла левее, тронула рысью, и Тэмуджин не дослушал поучений старого десятника.

С полудня, когда к берегу подогнали первые меркитские табуны, началась переправа. По реке, по длинной ровной косе с низкими берегами разнесся оглушительный гул. Мык коров и быков, конское ржание сквозь непрерывный плеск воды, чавканье копыт в прибрежной грязи, многотысячный топот переполняли окрестности. К берегу подходили все новые стада, а левее их устало брели толпы пленных. Сквозь гул слышались веселые окрики молодых воинов, радующихся концу трудного похода, тому, что скоро они окажутся в родных куренях.

Пленные – в большинстве женщины, подростки и малые дети – обессиленные дальней дорогой, с черными от зноя и пыли лицами, с потрескавшимися губами, еле шли, однако, увидев воду, из последних сил убыстряли шаги, с загоревшимися глазами глядя вперед, спешили утолить многодневную жажду. Их переправляли выше того места, где проходил скот.

Первыми, опережая остальных, подошли к воде меркитские подростки. Они на ходу скидывали с себя одежду, забредали в воду и ныряли с головой, надолго исчезая в темной прохладной глубине. Вынырнув, шумно отфыркивались, глубоко дыша, и невольно на лицах их проступали светлые, по-детски счастливые улыбки. Некоторые из женщин, у которых, видимо, были нечистые дни, не смея подходить к реке, поодаль садились на землю и ждали, когда им принесут напиток.

Огромная толпа пленных, на половину перестрела облепив берег, на четвереньках прильнув к воде, жадно пила, как стадо животных. Женщины умывали грязные, потные лица малым детям. Караульные воины, с брезгливой жалостью глядя на них, терпеливо ждали на берегу.

Вслед за добычей с далеких западных холмов тонкими нитями тянулись тысячные походные колонны. Издали казались они огромными змеиными стаями, сползающими по склонам в низину.

Тэмуджин, в окружении братьев и нукеров подъехав к берегу выше по течению, с обрывистого бугра долго смотрел на переправу. Он видел, как молодые воины первой сотни, с криками приблизившись к реке, на рысях заезжали в воду, брызгались, пили, склоняясь с седел, черпая ладонями. Юноша на соловом коне, забредя по самую шею коню, сидя в седле почти по пояс в воде, сквозь гомон и плеск кричал что-то своим, стоявшим на мели, призывно махал им и счастливо смеялся, блестя на солнце ровным рядом белых зубов.

Перейдя реку, стада и табуны расходились по разным сторонам, разбрелись по широкой пойме и под охраной молодых воинов, тут же назначаемых в табунщики, оставались пастись. Больше шестидесяти тысяч разномастных лошадей и коров муравьиными полчищами покрыли все пространство за рекой, расплзаясь все дальше, подбираясь к дальним холмам, исчезая за увалами.

* * *

Оказалось, что мать Оэлун, когда Мэнлиг приехал к ней и сообщил радостную весть, решила больше не оставаться в горах. Быстро собравшись – благо, что домашнего скарба после меркитского грабежа почти не осталось, – она бросила сложенные из жердей и корья временные жилища на лесной поляне и переселилась в стойбище Мэнлига, стоявшее ниже по Керулену. Мэнлиг

освободил для нее лучшую свою юрту, и она, поселившись в ней с младшими детьми, с нетерпением дожидалась возвращения войска из похода.

Мэнлиг на том самом бугре, где перед походом ждали Тогорила, поставил дозор, протянув от него по верхушкам сопок к своему стойбищу цепь сигнальщиков, которые должны были подать знак, зажигая костры. Когда за рекой, на западном горизонте показалась темная пыль, поднятая идущими с той стороны войсками и гонимыми меркитскими табунами, почти сразу же в стойбище Мэнлига узнали о возвращении Тэмуджина.

Встреча произошла на берегу, на том самом месте – у одинокой сосны под высоким бугром. Солнце склонялось на западную сторону. Войска, переправившись через реку, уже расходились по своим куреням. Отряды Джамухи, рассыпавшись сотнями, еще виднелись под яркими лучами солнца, удаляясь вдоль прибрежных тальников, а тысячи Тэмуджина уже скрылись за ближними северо-восточными увалами.

В низине у брода оставались несколько сотен человек. Здесь, на том самом месте, откуда начинался их кровавый поход на меркитов, и решено было справить победный пир. Тысячники и старейшие, заслуженные сотники вместе с именитыми мэргэнами и багатурами готовились отпраздновать свою великую удачу в походе. Расседлав лошадей и отпустив их поpastись, они кучками посиживали на теплом берегу. Развалившись на мягкой траве, умиротворенно подставляя темные лица ласковому предвечернему солнышку, они лениво переговаривались, отдыхая с дороги. За вином и снедью уже были посланы люди, а мяса вдоволь паслось вокруг – в пригнанных из похода меркитских табунах.

Отдалившись от берега шагов на сто, толпилось около десятка мужчин помоложе – пятнадцати-семнадцатилетние воины. Сбросив доспехи и шлемы, засучив рукава, они наскоро зарезали трех кобылиц и разделывали туши по костям.

В сторонке суетились рабы из пленных. С испуганными лицами они бегом носили из степи топливо, кучками складывали вокруг костров, бурдюками таскали из реки воду. Воины, охранявшие их, со свистом помахивали кнутами, заставляя их шарахаться от испуга, подгоняли отстающих. Попавшие в неволю меркиты, еще не свыкшись со своим новым положением, затравленно озирались, тряслись, словно впервые выловленные из табуна лошади.

Один из пленных, юноша лет тринадцати, отказался прислуживать. Он сел на землю и не шевелился, уперев злой взгляд в землю, не отвечая на окрики и угрозы охранников. Ему связали руки и кнутами погнали прочь.

– Ничего, походит в канге, присмирееет, – усмехнулся старый десятник, негодуяще глядя ему вслед. – Смотрите-ка, гордость перед нами вздумал показывать...

Молодые, красивые женщины-меркитки, отобранные для победного пира, мелькали у костров. Некоторые из них помогали в приготовлении еды, чистили и промывали кишки, наполняли их кровью и жиром, другие наливали воду в котлы, подбрасывали топлива в огонь. Остальные посиживали в сторонке, напряженно потупившись, ожидая приказаний. На них отовсюду с жадными взорами поглядывали воины.

Тэмуджин, пользуясь затишьем, собрал в сторонке своих тысячников. Сойдясь толпой, они озирали местность и совещались о том, как расположить свой улус на новом месте. Подсчитывали, какие урочища войдут в их владение, намечали места, где расставить войсковые курени, дозоры и караулы, с какой стороны нужно будет прикрыться, куда и сколько выделить людей.

В это время к Тэмуджину сзади подошел Боорчи. Склонившись к плечу, он негромко сообщил:

– Мать Оэлун едет.

Тэмуджин оглянулся. От северных сопок по ровной низине, покрытой густыми волнами белесого ковыля, стремительной рысью приближалась небольшая кучка всадников.

Оставив тысячников, Тэмуджин прошел к возвышенному месту, всмотрелся. Впереди на своей старой белой кобыле восседала мать, по обеим сторонам ее рысили Мэнлиг и Кокэчу, за ними, в пестрой толпе – Тэмугэ с Хачиуном и остальные шестеро сыновей Мэнлига.

Приблизившись к рассеянной толпе, Оэлун придержала кобылу, переводя ее на шаг, проехала между расступившимися перед ней воинами. Сопровождавшие ее

Мэнлиг с сыновьями остановили лошадей и встали, пережидая, когда поздороваются мать с сыном. От них отделились Хачиун и Тэмугэ...

Оэлун с каменным лицом, не глядя на склонившихся в поклоне людей, проехала вперед и сошла с лошади. Отдав поводья кому-то из подскочивших воинов, она оправила на себе старый засаленный халат, в котором осталась после меркитского грабежа, поправила на голове дожелта выгоревшую на солнце войлочную шапку и, удерживая перед многими людьми строгий вид, подошла к Тэмуджину.

– Ну, здравствуй, сын мой, – дрожащим голосом произнесла она, обеими руками взяла его склоненную голову и поцеловала в макушку. – Все ли у тебя благополучно?

– Слава западным богам, все хорошо.

– А где же моя невестка? – укрепившись голосом, она оторвалась от него, нашла взглядом Бортэ, стоявшую поодаль, рядом с Бэлгутэем и Хасаром. – Подойди же ко мне, дочь моя...

Бортэ шагнула к ней и, приблизившись, не выдержала: горестно скривив лицо, ткнулась ей в плечо, разрыдалась.

– А ну, не плачь! – строго одернула Оэлун, отодвигая ее, и негромко добавила: – Что бы ни случилось, плакать не нужно.

Та тут же примолкла, виновато улыбнулась, вытерев слезы, дрожащим голосом спросила:

– Как вы поживаете, мать?

– Боги присматривают за нами. – Она внимательно оглядела ее и перевела взгляд на Хасара с Бэлгутэем: – Ну, а вы как, хорошо вели себя в походе, слушались брата?

– Слушались, мать Оэлун, – улыбнулся Бэлгутэй. – Разве нашего брата можно послушаться?

Хасар лишь хмуро улыбался, исподлобья глядя на нее.

Тэмуджин по очереди обнял младших и обратился к матери:

– Мы привезли все наши юрты, имущество, что нашлось, все там, на вьюках... Вы устраивайтесь, Хасар с Бэлгутэем покажут все.

Он с внутренним облегчением проводил взглядом отходивших гурьбой своих домочадцев и пошел поздороваться с Мэнлигом и Кокэчу.

Тэмуджин на всем пути из похода, подолгу обдумывая свое новое положение, свои отношения с людьми, немало думал и о Кокэчу. И если до этого испытывал к нему какую-то неприязнь, недоверие: любит поучать, важничать, а как наступит трудная пора, так его и не увидишь (а при воспоминании о том, как они со своим отцом Мэнлигом пытались его подчинить своей воле, ставили ему условия, он ощущал враждебное чувство к нему), – то теперь, когда нужда была позади и он не зависел от них, по-новому стал смотреть на молодого шамана.

«Умный, хитрый, но ведь не подлый, – подумывал он теперь. – Он сам себе хозяин и мне ничего не должен. Когда мне изменили самые близкие родичи, из всех соплеменников только он и его отец помогали мне, поддерживали словом и делом, не давали сломиться...»

Помощь их Тэмуджин ценил высоко и считал, что без них он не смог бы выжить. А то, что Мэнлиг в последнее время (после приезда Тогорил-хана весной) смирился перед ним, полностью изменив свое поведение, и в минувшем походе оказался незаменимым нукером, сильно потеплило отношение Тэмуджина к их семейству.

«Кокэчу никогда не был мне врагом, ничего плохого мне не сделал, – окончательно решил он. – Он сильный человек, я же тогда был слаб, потому он и требовал от меня подчинения. Сильный подчиняет слабого, это всем известный закон, и он не виноват ни в чем. Но теперь я и сам силен, и он должен признать это».

Те стояли шагах в тридцати от него, о чем-то тихо переговаривались. Мэнлиг стоял с беспечным видом, заложив руки за спину, но на лице своем он все же не мог скрыть беспокойного напряжения. Под вислыми, выгоревшими на солнце

усами пошевеливались губы. Было видно, что он за что-то выговаривает сыну, чего-то требует от него. Кокэчу молчал, храня обычное свое равнодушие, и косоватым, цепким взглядом посматривал по сторонам.

«Неужели он не обиделся на то, что я не позвал его в поход? – подумал Тэмуджин, присматриваясь к нему, и решил: – Наверно, все же это его задело, но шаман ведь не покажет обиды».

Он мимолетным кивком поздоровался с Мэнлигом и с приветливой улыбкой подошел к шаману.

– Ну, брат Кокэчу, вот и свершилось то, к чему мы стремились все эти годы. Я очень рад, что все закончилось так удачно.

– Э-э, брат Тэмуджин, ничего у нас еще не закончилось, – прищурил тот глаза в ответной улыбке. – Все только начинается. Хотя и вправду кое-что уже сделано, и народ обратил взоры на тебя. Но ты-то должен знать, что это боги помогли тебе совершить невозможное. Помнишь, как мы ездили к старым шаманам?.. С тех пор мы неотрывно присматриваем за тобой...

– Я это знаю, Кокэчу, и благодарен вам за это. А сейчас я рад, что вновь вижу тебя. Ну, у нас еще будет время поговорить обо всем. Вы сейчас поприветствуйте Джамуху, вон он стоит со своими людьми, а я отпущу своих тысячников и подойду к вам.

Тэмуджин пошел к ожидавшим в сторонке своим вождям. Слова шамана не понравились ему. «Опять он важничает, выпячивает свои заслуги, – с неприязнью подумал он. – Боги-то мне помогали, а ты, может быть, только теперь примазываешься, когда все уже свершилось? Где ты был, когда я метался, не зная, как найти выход?..»

* * *

Незадолго до заката на берегу, рядом с одинокой сосной, начался пир. Еще днем, после переправы, на старом кострище – на том самом, у которого перед походом несколько дней просидел Тэмуджин со своими тысячниками – возожгли огонь. С берега волами приволокли три высоких валуна, установили походный

очаг и поставили на нем захваченный у меркитов огромный, в рост человека, чугунный котел. Везли его на толстых жердях, подвешенных на спины двух верблюдов. Ноша была так тяжела, что верблюдов сменяли до десяти раз в день. Теперь этот котел, полный мяса, уже закипал, и в застоявшемся вечернем воздухе далеко вокруг разносился запах жирного варева, дразня животы собравшихся.

Пожилой воин с подоткнутым подолом халата, стоявший у котла на высоком камне, помешивая в нем длинной оструганной палкой, наконец сообщил, что мясо готово.

К костру подошел Кокэчу в своем рогатом шаманском шлеме, с закрытым бахромой лицом. Ему поднесли на широком берестяном подносе дымящуюся горку лучших кусков мяса. Кокэчу стал голыми руками выбирать горячее, только что из кипящего котла, жирное мясо и подбрасывать его в огонь, призывая хозяев огня, а за ними и западных военных богов: Шаргай-нойона, Гэсэр-хагана, Чингиса Шэрээтэ... После, отойдя в сторону, он обратился к небу на своем непонятном древнем языке, складно выговаривая стихами, затем высоко побросал оставшееся мясо и жир по восьми сторонам и закончил:

– Хура-ай!

– Хура-ай!!! – откликнулись стоявшие вокруг, воздевая руки к небу.

Расходясь, толпа стала рассаживаться в круг. На почетном месте, с северной стороны, усаживались нойоны – Тэмуджин и Джамуха, по левую руку от них сели матери, Оэлун-эхэ и Хуриган-хатун, за ними – Бортэ рядом с женой Джамухи, красивой молодой женщиной с родинкой на левой щеке, с заметно выпирающим под коричневым халатом животом. Ниже за ними вперемешку сели братья и нукеры нойонов, с ними же – младшие сыновья Мэнлига.

Справа рядом с Тэмуджином сидел Кокэчу, за ним Мэнлиг и тысячники с обоих улусов. Ниже, поближе к берегу, в несколько рядов расселись старейшие сотники и именитые багатуры.

Среди воинов слышался сдержанный говор. Польщенные тем, что оказались в кругу избранных, на пиру у нойонов, они в ожидании жирной еды и выпивки радостно посмеивались, шутили между собой.

Первым, ревниво подчеркивая свою близость к нойону, поднял чашу Мэнлиг. Видимо, он уже выпил вместе с тысячниками до начала пира, когда привезли из куреней архи, и сейчас не испытывал недостатка в словах.

– Что мы сейчас празднуем? – важно поглядывая налево и направо, спрашивал он. Зычный его голос далеко разносился вокруг. Сидевшие на дальней стороне воины, примолкнув, вслушивались в его слова. – Мы сейчас празднуем первую победу под знаменами наших молодых нойонов. И не какое-нибудь мелкое дело – мы наголову разгромили наших исконных врагов на севере, так их разгромили, что они еще не скоро поднимутся на ноги, мы же будем благоденствовать, радоваться жизни и растить наше потомство... И это только начало – запомните мои слова! Еще при рождении Тэмуджина предсказано было, что он будет великим воином и властителем, и это уже сейчас сбывается... По всем приметам, боги предназначили ему большие дела. Вспомните все и подумайте хорошенько: прошлой зимой наше племя с головой погрязло во внутренней войне, и никто не знал, как выбраться нам из этого гибельного болота. Ни мы, взрослые мужчины, ни родовые нойоны, ни старейшины, никто не мог придумать, как нам покончить с этой непроходимой бедой. И вдруг нашелся один, кто нашел путь, положил всему этому конец. Кто это был?.. Наш Тэмуджин-нойон. Он призвал на помощь анду своего отца, керейтского хана, и тот пришел, приструнил распоясавшихся безумцев... Он один, в эти свои юные годы, сумел остановить гибельную для нас войну, да при этом еще спас улус своего анды. Это ли не подвиг для любого мужчины?.. А теперь и Джамуха-нойон пришел к нему на помощь, когда к Тэмуджину подошла нужда. Вы только подумайте, какое это великое благо, когда два молодых нойона с чистыми помыслами, с белыми душами, не погрязшие в склоках и дрязгах, имеют такую силу и крепкую дружбу! Да ведь при такой дружбе этих двух могучих нойонов больше не может быть никакой смуты в нашем племени. Отныне ни борджигины, ни керуленские вожди не посмеют нарушать покой соплеменников, потому что теперь все будут оглядываться на них, а они не позволят им распоясаться. А мы будем жить и благоденствовать, множить свои стада и потомство... Крепко подумайте все над этим!

– Хура-ай!! – восторженно закричали воины при последних его словах. – Слава нашим нойонам!

– Слава Тэмуджину!

– Слава Джамухе!

Переждав крики, Мэнлиг еще долго говорил, вспоминал покойного Есугея, отмечая лучшие его достоинства, затем вновь возвращался к Тэмуджину, перечислял его подвиги. Он подробно рассказывал внимательно слушавшим воинам о том, как их нойон умело пережил нужду и одиночество, пройдя через все опасности, как мужественно перенес плен у тайчиутов и хитро сбежал от них, как смело отправился за своей невестой и вынудил хонгиратского нойона отдать свою дочь и как, наконец, когда на него напали меркиты, собрал огромное войско и отомстил им...

– Это вам не какой-нибудь простой человек! – кричал он, оглядывая круг. – Ясно видно, что ему помогают духи двадцати трех поколений предков. А были среди тех и великие ханы, и великие шаманы. Вот откуда в нем сила, все удачи и победы. С таким нойоном мы никогда не пропадем!

Под восторженные крики присутствующих он выпил свою чашу и сел. И тут же, выждав, когда выпьют все, с ответным словом встал Тэмуджин.

Скрывая волнение перед взорами сотен людей, он украдкой перевел дух. Толпа, смолкнув, ждала.

– Я благодарю брата Мэнлига за доброе слово обо мне и о моем отце, – начал он. – Но пусть всем будет известно, что на самом деле это он, брат Мэнлиг, не дал нашей семье погибнуть в самую трудную пору. Он и его сын Кокэчу, мой друг, когда мы остались одни и за нами охотился тайчиутский Таргудай, приезжали проведывать нас, пригоняли нам скот и лошадей. Так они спасли нас от голода.

По рядам сотников прошел изумленный гул: многие впервые узнавали об этом. Вытягивая шеи, они внимательно смотрели в сторону шамана и его отца.

– Если бы не эти двое, мы бы погибли, упало бы наше знамя, пропал бы улус, – окрепнув голосом и твердо глядя вокруг, говорил Тэмуджин. – Но они спасли не только нас, они выручили из беды и наше войско – всех вас. Это Мэнлиг прошлой осенью привел вас на Керулен, договорился с джадаранским Хара-Хаданом, отцом моего анды, чтобы он выделил вам место и принял в свой круг. Если бы не этот договор, до сих пор войско было бы в руках у Таргудая и неизвестно, что

стало бы со всеми вами, по каким краям вы были бы сейчас рассеяны. Эту великую заслугу почтенного Мэнлига нельзя оценить – благодаря ему мы все смогли соединиться вновь, победили меркитов, прославили свои имена и теперь вместе сидим на победном пиру. Помня это, сейчас я выношу первый свой закон – о том, что из всех войсковых нойонов в моем улусе Мэнлиг будет самым старшим, и прошу его отныне быть моим советником, моей второй головой.

Возглас одобрения разнесся от рядов сотников и багатуров. Мэнлиг во время речи Тэмуджина сидел со строгим, неподвижным лицом, но всем было видно, каким блаженством заполняло его громогласное признание заслуг. А последние слова Тэмуджина, просьба быть ему старшим советником, окатили его такой радостью, что он не сдержался. Он вскочил с места и, обойдя Кокэчу, крепко обнял Тэмуджина, прижав его к груди, как родного.

Одобрительный гул сотников и багатуров усилился, однако Тэмуджин успел заметить, что тысячники, увидев над собой нового распорядителя, вставшего между ним и ими, были сдержанны и сидели молча. Казалось, они обдумывали, хорошо это для них или плохо.

– Другое слово будет моему войску, – продолжил он. – Вы, мое войско – мои тысячники, сотники, десятники и воины, спасли мою семью и будущее мое потомство, восстановили мой порушенный очаг, выступив в поход на моих врагов. Все вы честно исполнили свой долг и поступили так, как поступали ваши предки под знаменами моих предков. Как и предки наши, мы вновь прославили имя своего племени во всей степи. В память об этом пусть каждый из воинов выберет из моей доли добычи что-нибудь по душе: коня, быка, корову или раба, и пусть они напоминают вам об этой нашей победе.

– Хурай! – радостно взревели в кругу воины, поднимая чаши.

Дождавшись, когда стихли голоса, он повернулся лицом к Джамухе:

– Другое мое слово будет анде моему, джадаранскому Джамухе-нойону. Мой анда, когда я осиротел и от меня отвернулись все мои сородичи, ты был единственным, кто утешил меня, поддержал мой дух, предложив стать мне своим названным братом. Это был поступок истинного мужчины: поклясться в братстве с тем, от кого отвернулись все. С той поры прошло много времени – целых три года! – и мы с тобой стали взрослыми. Но дух твой остался прежним,

таким же чистым и крепким. Ты и теперь остался верен нашей дружбе. Я никогда не забуду тех слов, которые ты произнес, узнав о моей беде. Вот что ты сказал:

Как я услышал о горе твоём, о несчастье –

Печень моя заболела, душа заскорбела...

К битве и к смерти готов за тебя

Названный брат твой, на крови поклявшийся в дружбе...

– Вдумайтесь все в эти великие слова, запомните и передайте потомкам, кем и когда они были сказаны. Только с истинно волчьей душой человек мог сказать это в то опасное время. Ведь никто не мог знать, чем закончится моя вражда с меркитами, никто не знал, заодно с ними тайчиуты или татары, кто кого одолеет, мы их или они нас, а анда мой в таком положении без раздумий встал рядом со мной. В память об этом я хочу подарить ему боевой пояс с золотой бляхой, захваченный у меркитского Тохто Беки, и отдаю ему лучшую кобылу из лошадей Тохто Беки, имя которой Эсхэль-халиун, – Тэмуджин махнул рукой, и Боорчи подвел к нему молодую красивую лошадь буланой масти под серебряным седлом...

Джамуха тут же вскочил с ответным словом. Опьянев уже от второй чаши, он заметно покраснел лицом. Широко разводя руками, расплескивая вино, он выкрикнул:

– А я, мой анда, всегда буду помнить, как ты пришел ко мне на помощь этой весной, призвав хана Тогорила с его войском! Дядья меня ограбили, это все знают... но я им это еще припомню... Ты сейчас вспомнил мои слова... но ведь ты первый спас меня, как же это я не пришел бы? Что я тогда был бы за человек?! И какие мы анды, если не будем помогать друг другу? Ведь и в бурю, и в снег, и светлым днем, и темной ночью – по первому зову мы должны вскочить на коней. А когда мы вместе, никто нам не страшен, мы никого не боимся! Пусть только кто-нибудь сунется против нас, он на своей шее опробует остроту наших сабель!.. Эх, анда, дай я тебя обниму, раз ты мне сделал такой подарок, то и я не останусь в долгу: дарю тебе пояс Дайр-Усуна и лучшего его жеребца, которого я сам поймал и объездил. Это лучший конь из всех, на каких я садился в своей жизни, и я тебе его дарю!..

Они стояли, крепко обнявшись, и долго стояла тишина, а люди качали головами, восхищаясь великой дружбой юных нойонов, у которых вся жизнь была впереди и начиналась она так прекрасно.

Потом говорил слово от всего войска тысячник Саган.

– Мы, воины, высоко чтили нашего Есугея-нойона. – С сурово сдвинутыми седыми бровями он задумчиво смотрел в середину круга. – Это был воистину могущественный и справедливый нойон, в его улусе наши семьи не знали ни нужды, ни страха. А для воина это самое главное: чтобы его дети и жены, родители и домочадцы были под защитой улуса, в безопасности, чтобы их не могли тронуть ни разбойники, ни чужеплеменники. За это он отдает свою жизнь нойону и бьется против его врагов. Чем сильнее улус нойона, тем безопаснее его семье и потомству, ради этого он и старается. Но был за нами один грех: когда умер Есугей-нойон, мы растерялись и не знали, что нам делать. Тогда ведь никто не мог подумать, что его сын, которому не исполнилось и десяти лет, по уму и духу не уступает взрослому вождю. Это потом, по слухам мы узнавали о нем... Сначала мы изумлялись тому, как он умело скрывается от тайчиутского нойона, как долго тот не может поймать его. Почти год тайчиутские нукеры вынюхивали, искали его повсюду. Потом мы поражались тому, как он достойно держится в неволе, не сдается, не сгибается и не ломается, и как он потом умело бежал из плена. Все тогда увидели, что это истинный воин, умный и храбрый, и надеялись, что когда-нибудь он поднимет отцовское знамя, и войско вернется под него... А когда он привел кереитского хана и положил конец войне в племени, тогда до нас окончательно дошло, что ему давно уже надо быть нойоном, что он лучший из всех вождей. Но мы не знали этого раньше, и в этом была наша беда. Если бы я знал это, то еще тогда, после смерти Есугея-нойона я без раздумий призвал бы воинов оставаться в улусе и ждать, когда наш Тэмуджин поднимет отцовское знамя. И Таргудай побоялся бы протягивать руки к улусу, и братья Есугея-нойона, может быть, одумались бы и не разбежались...

Мэнлиг, пристально смотревший на него во время его речи, насмешливо улыбнулся, но не проронил ни слова. Заметив это, Саган смутился и, будто оправдываясь, продолжал:

– Но время назад не вернешь, и не мы решаем, а боги вершат наши судьбы. А теперь мы исправили свою ошибку, и хотя наследнику Есугея еще не исполнилось тринадцати лет, мы уже дали клятву верности его знамени и от своего слова теперь не отступим: по первому зову, и в летний дождь, и в зимний

буран выступим туда, куда он нам укажет... – Он обернулся в нижнюю сторону круга, где сидели его воины, дал кому-то знак. – А сейчас, по старинному обычаю, войско подносит семье своего нойона подарок...

Пожилой воин шел за спинами сидящих и, высоко поднимая на руках, нес маленького, лет пяти, мальчика, разодетого в нарядную шелковую одежду, подбитую голубым беличьим мехом. Тот припухлыми глазами испуганно поглядывал на опьяневших, шумящих в кругу воинов.

Саган принял мальчика, усадил его на правую ладонь и, придерживая другой рукой, высоко приподнял над головой, словно ягненка, показывая всем свой подарок, и с поклоном подал матери Оэлун. Та прослезилась, принимая мальчика, жалостливо взглянула в грустное детское лицо и усадила рядом с собой. Не глядя уже на других, она принялась ухаживать за ребенком, стала кормить его с рук. Расспрашивала, низко склоняясь к нему, перебивая шум голосов:

– Проголодался? Хочешь есть?

Тот кивал, робко косясь ей в лицо. Оэлун нарезала на доске только что принесенную из котла горячую кишку с вареной кровью, придвинула сметану, творог.

– Ешь, бери что хочешь... Как тебя зовут?

– Хучу.

– Живы твои родители?

– Не знаю. Они сели вдвоем на быка и ускакали в лес, а меня не взяли... – Моргая глазами, мальчик беззащитно и доверчиво смотрел на нее.

У Оэлун от острой жалости увлажнились глаза, она крепко обняла его, прижала к теплой груди.

– Теперь я буду твоей матерью, – шепнула она ему в маленькое ушко и поцеловала в голову.

После нескольких чаш за пиршественным кругом стало шумно, тысячники и сотники заводили между собой беседы, вспоминали разные случаи в походе, громко хохотали.

Там, где сидели нойоны, шел свой разговор. Мэнлиг, склонившись и приглушив голос, чтобы не слышали другие, говорил молодым нойонам:

– Вот теперь-то и наступило ваше время. Вы молоды, но силы у вас огромные, а после такой победы над меркитами с вами начнут считаться во всей степи. Будут приходить послы из других племен, предлагать то одно, то другое. Тут вам надо крепко думать: что говорить, как держаться, чтобы не ошибиться, правильно поставить себя перед всеми. Понимаете?

Тэмуджин слушал, перебарывая хмель в голове, стараясь вникнуть в его слова.

Разгоряченно говорил Джамуха:

– Теперь-то мы наконец заживем, как жили наши отцы.

Матери, слушая их доверительную речь, украдкой вытирали слезы, счастливо переглядывались между собой.

* * *

Так в монгольской степи появилась новая внушительная сила – союз двух крупных улусов, Тэмуджина и Джамухи, поддержанный керейтским ханством. Зародившись еще весной, когда хан Тогорил по настоянию Тэмуджина помог Джамухе собрать отцовский улус, теперь, после разгрома меркитского племени, этот союз окончательно сложился. И расклад сил в монгольской степи теперь был такой: на севере, по Онону пока еще держался пошатнувшийся борджигинский союз во главе с Таргудаем, по среднему Керулену кочевали сплоченные еще покойным Хара-Хаданом южные роды, а долину верхнего Керулена занял новый союз юных, но могущественных нойонов.

Наутро пировавшие, отоспавшись у костров и хорошенько опохмелившись, с шумом и песнями разъезжались по куреням. Многие, отъехав, с гребней сопок пускали стрелы в обратную сторону – в знак того, что вернуться к этому месту. А на другой день сюда начали прибывать кочевья...

День стоял ясный, безветренный. Перед полуднем с восточной стороны вдоль прибрежных тальников завиднелись первые табуны и стада, гонимые всадниками, следом потянулись людские кочевья – это были владения Джамухи.

Долгими вереницами вытягивались из-за кустов нагруженные бычьи арбы, оглашая округу тяжелым топотом и скрипом, за ними мерно вышагивали навьюченные верблюды, которыми были богаты джадараны, – в прежние годы их во множестве пригонял с юга, торгуя с онгутами, покойный Хара-Хадан.

Чуть позже на северо-восточных холмах появились обозы тысячных отрядов Тэмуджина. Переваливаясь через увал, они плотными кучками сползали со склона.

Ровная, обширная излучина реки заполнилась повозками, людьми. Разом порушилась тишина, может быть, веками томившаяся на этом речном берегу, загремела людская суматоха. Неумолчно зазвучал разноголосый гомон, отовсюду доносились крики, смех, ругань, детский плач. Мужчины, женщины, дети выгружали вещи, распрягали быков, верблюдов, делили места, ставили юрты.

Тут и там задымились огни, старухи, подвешивая на оглоблях котелки, варили еду. Ковыляя на кривых ногах, они несли с телег туюски, мешочки с арсой и хурутом, другой походной едой. Посылали детей к реке за водой.

Старики, сойдясь по трое-четверо, посиживали в сторонке на седельных потниках. Поглядывая вокруг, озирая местность, они беседовали о своем, о травах на новом месте, о приметах на погоду, о слухах в племени. Некоторые, оглядываясь на своих старух, требовали поднести по чаше архи.

Ближе к вечеру новый курень стал обретать настоящий вид. Плотной стеной встал внешний круг, изнутри кольцами – одно под другим – выстроились айлы подданных. Крайние юрты стояли шагах в пятидесяти от берега, напротив

одинокое дерева. Отсюда они широким кругом уходили на север, занимая всю низину, подбираясь к дальним склонам.

Пустынное прежде место, по которому до этого лишь изредка проезжали всадники между монголами и кереитами, заполнилось многотысячным жильем. Воздух наполнился смешанным запахом дыма, отсыревшего войлока, овечьего и лошадиного пота, коровьего кала... Днями теперь не смолкал людской гомон, доносилось призывное мычание коров, блеяние овец, а вечерами, под закатными лучами синеватый дым от очагов расстилался над землей, растекался между сопками по дальним низинам.

Айлы прежде далеких друг от друга улусов – борджигинского и керуленского, – съехавшись, присматривались друг к другу, знакомились, обживаясь на новом месте. Свершая вместе обряды, приносили жертвы духам – хозяевам местности, сближались между собой, находили общий язык.

Лишь собаки, неведомо отчего, не желали жить мирно, будто чуяли между собой вражду, и доставляли людям хлопот. На границах айлов то и дело раздавался разноголосый озлобленный лай; псы и суки двух улусов, встречаясь, разъяренно бросались друг на друга. То и дело лохматые серые своры, сцепившись где-нибудь между юртами, клубами катались по земле, затем, окровавленные, гонялись друг за другом по всему куреню. Женщины ругались, опасаясь за малых детей, за собаками с палками и кнутами носились подростки, разнимая их.

Ночами (а ночи в эту пору стояли лунные, яркие) то на одной стороне, то на другой раздавался протяжный вой. Поднявшись в одном месте, тут же подхватывался в других местах, и скоро весь курень оглашался еще не забытой собаками древней волчьей песней. Мужчины, озлобясь, выходили спросонья из юрт с длинными кнутами в руках, нещадно секли их. Разносился визг и лай, собаки уносились прочь из куреня и продолжали выть издали, со склонов сопки, наводя на людей непонятную тоску, тревожные чувства.

Старики хмурились, украдкой переговаривались между собой:

– Что-то неспроста они воют.

– Видно, не к добру такое начало.

Но открыто они не высказывали своих опасений, не желая портить молодым радость от обретения долгожданного покоя.

* * *

По размеру новый курень не уступал даже самым крупным поселениям в монгольской степи. Еще наутро после пира на берегу, перед отъездом, Тэмуджин и Джамуха, сев на подаренных друг другу меркитских скакунов, сделали круг по низине, обсуждая, как им расположить свои айлы.

Джамуха, опохмелившийся двумя чашками арзы, разгоряченно говорил, широко разводя руками:

– Пусть курень наш будет такой, чтобы каждый, кто увидит, понял, какова наша сила. Чтобы все отбросили мысли о том, чтобы тягаться с нами. Давай, анда, как можно больше народа соберем в свою ставку.

Тэмуджин согласился, улыбнувшись про себя: «Анда и здесь хочет выделиться. Такой уж человек, во всем хочет показать себя...»

Но втайне он и сам радовался этому: «Пусть до всех дойдет слава о нас... и, главное, до врага моего – Таргудая».

Тэмуджин с великим облегчением на душе осознавал, что теперь он не по зубам тайчиутскому нойону. Старый, устоявшийся страх перед ним, опасение новых нападков с его стороны, все эти годы державшие его в нудном, тревожном ожидании, вдруг разом исчезли, улетучились, словно утренний туман под свежим ветром, и теперь он наслаждался легким и радостным чувством свободы и безопасности. Не нужно стало прятаться от кого бы то ни было – теперь он и сам имел такую силу, что не считаться с ним не мог никто во всей степи.

«Пусть только попробует меня задеть! – запальчиво думал Тэмуджин. – Я ему покажу, кто тут волк, а кто овца. Придет время, потребую от него все, что он забрал из отцовских владений...»

Крепко держа в себе эту заветную мысль – собрать отцовский улус полностью, до последнего айла, он обустроивался вместе с андой в новом курене.

Восточную сторону занял Джамуха с айлами своих людей, а на западной стороне Тэмуджин на первое время, не имея пока других подданных, поселил тысячу Сагана с семьями воинов. В эти же дни несколько сотен молодых воинов женились на пленных меркитках и поставили свои юрты.

Оба нойонских айла заняли середину куреня, каждый в окружении юрт своих приближенных. Звал Тэмуджин и Мэнлига поселиться рядом, но тот отговорился тем, что привык к тишине вдали от людей и до поздней осени думает пожить на старом месте.

«Все же он тяготится мной, – подумал о нем Тэмуджин, – привык жить вольно, без нойона рядом. А может, и неудобство какое-то чувствует передо мной: еще недавно бахвалился своим могуществом, едва не попрекал меня своей помощью, а получилось, что рановато начал хвалиться: отцовское войско я вернул без него, а с помощью кереитского хана».

Остальные девять тысяч он расселил по широкому полукругу – от юго-западной до северо-восточной стороны. По другим сторонам встали тысячи Джамухи: войска свои они распределили так, что основные силы стояли на севере, закрывая курень от борджигинов и возможного прихода меркитов, хотя и были уверены, что ни те, ни эти сейчас не решатся напасть.

С запада и с юга была открытая степь. На западе в половине дневного перехода начинались кереитские курени, на юге в сухой степи было пусто до самых онгутов. Нападения от них или от чжурчженей в эту пору не ждали (те могли прийти лишь весной или ранним летом, когда в гобийской пустыне был какой-то корм и можно было поддерживать силы у лошадей). И все же на той стороне, по дальним местам, где были родники и колодцы, по которым обычно переходили караваны и войска, они расставили сменные дозоры из четырех-пяти воинов. В случае тревоги оттуда войска с северной стороны можно было перебросить на юг, а курень свой переместить на север или на восток, поближе к другим улусам племени.

По-новому устраивалась семья Есугея. Разом, вслед за стремительно пронесшимися грозными событиями, изменилась их жизнь. Мать Оэлун и все младшие братья, до последнего времени плохо представлявшие себе, как их маленькая, обитающая вдали от людей семья сможет встать во главе огромного, многотысячного улуса, теперь своими глазами увидели свершившееся. И глядя на то, как их Тэмуджину повинуются суровые и властные военные вожди, повелители тысяч, видя, как он уверенно отдает им приказы, заставляя перемещаться из края в край тысячи людей, сотни айлов, отряды воинов, указывая им места, они воспрянули духом и наконец сами ощутили неизмеримую высоту своего положения.

В первый же вечер в новом курене мать Оэлун собрала младших сыновей в своей юрте и наставляла их:

– Время баловства для вас прошло, теперь вы нойоны и на вас смотрят люди. Ведите себя как взрослые мужчины. Вспомните, как держался ваш отец, Есугейнойон. Такими и будьте всегда.

Жизнь в многолюдном курене, в окружении подвластного народа изменила у них и быт, и распорядок. Приставив к старым четырем юртам еще две – одну для нукеров и младших братьев, другую – для восьмерых домашних рабов и рабынь из меркитских пленных, они зажили большим многолюдным айлом.

Жилые их юрты теперь были покрыты отборным белым войлоком. Оэлун в первое время не могла насмотреться на чистое, ровное покрытие своих жилищ, ощущая в себе приятное чувство, любовалась белоснежным ворсом, хотя раньше не особенно обращала внимания на красоту убранства или одежды.

«Сочигэл любила это, она бы радовалась сейчас, – как-то мимолетно подумала она. – Бедная женщина, от дурной обиды натворила такое, что сначала сына погубила, а потом сама пропала, да и всем нам чуть жизнь не сломала...»

В жилых юртах были постелены яркие сартаульские ковры из меркитской добычи. Оэлун и Бортэ нашили из белого шелка с десятков больших и малых подушек, набив их мытой овечьей шерстью, и теперь они кучками лежали вдоль

стен на коврах. Ярким желтым занавесом была отделена на северо-восточной стороне широкая деревянная кровать – ложе Тэмуджина и Бортэ. Обновлен был весь домашний скарб и расставлено все с таким щедрым размахом, что сразу можно было сказать, что это жилище большого, богатого нойона.

Оэлун теперь строго следила за чистотой в юрте. В первый же вечер она отчитала Тэмугэ, когда тот заносил седло с невычищенными стремянами, с налипшими кусками аргала.

– Вместе с рабынями будешь чистить мне ковры, если еще раз увижу, – предупредила она.

Тот без слов вынес обратно седло и долго, старательно протирал травяной ветошью медные стремяна.

Остальные братья, разом усвоив требование матери, отныне тщательно вытирали обувь перед тем, как войти в юрту.

Имея в подручных Бортэ и Хоахчин, Оэлун по-старому начала управлять большим хозяйством, каждое утро распределяя работы среди домочадцев и рабов. У них вновь на ближних пастбищах паслись полсотни дойных коров и табун в сотню кобылиц. Женщины с утра до вечера были заняты перегонкой вина, приготовлением арсы, сбором сметаны, сбойкой масла, запасами на зиму. Шили новую одежду для детей, мяли и дымили шкуры, кормили домочадцев и рабов – по-новому закипела жизнь в айле.

Братья Тэмуджина теперь ходили в белых замшевых одеждах, перепоясанные боевыми ремнями, с которых свисали дорогие, отделанные серебром ножи и огнива. Строгими, властными взорами посматривали они по сторонам, наученные матерью, гордо подбоченившись, расправив плечи.

Хасар и Бэлгутэй набрали себе отряд из детей воинов тысячи Сагана, живших в курене. Уже побывавшие в настоящем большом походе, они пользовались непререкаемой властью среди сверстников. Во время меркитского похода, держась вместе, они как-то незаметно сблизились между собой. Вместе пройдя сквозь страх и опасности войны, они быстро забыли прежние обиды, сдружившись еще сильнее, чем прежде, и теперь сообща распоряжались своим отрядом.

Боролись они друг с другом по-прежнему почти каждый день, но уже без прежней вражды и злобы, привыкнув к этой своей борьбе как к чему-то обязательному, как к еде или сну. Бэлгутэй от этой ежедневной борьбы окреп, сильно раздался в плечах, и у него проснулись какие-то новые, раньше не замеченные способности. Он безошибочно стал угадывать задумки противника и, придумав свои хитрые уловки, теперь умудрялся иногда ловить даже самого Хасара на ошибках и бросать его на землю, чему тот несказанно удивлялся.

Тэмугэ и Хачиун тоже собирали друзей из своих сверстников, устанавливали среди них свои порядки. Наученные за прежние годы старшим братом, они заставляли новых друзей бороться и биться на прутьях. За ними по пятам ходил маленький Хучу из меркитских пленных, подаренный войском и усыновленный матерью Оэлун. Она строго следила за тем, чтобы братья не обделяли его ничем, требовала относиться к нему как к родному и однажды уже отругала Хачиуна за то, что тот отказался сделать для него лук и стрелы.

Вечерами, когда все собирались за домашним очагом, без посторонних, она обильно подносила онгонам вина и масла, благодарила их за наступившее счастье, за то, что нужда в их семье миновала, что у них по-прежнему большой улус, что они сильны и живут в безопасности.

– Благодарите за все своего старшего брата, – не уставала повторять она домочадцам в отсутствие Тэмуджина. – Вечером перед сном и утром после сна пусть каждый из вас хорошенько подумает, где и как сейчас вы жили бы, если не имели такого брата. Вы наперегонки должны исполнять все, что он прикажет... Понятно или нет? – строго переспрашивала она, глядя на хмурое лицо Хасара.

– Понятно, – потупившись, краснея лицом, отвечал тот.

И лишь маленький червь, закравшись в их айл, незаметно точил их большое семейное счастье. То, что Бортэ носит в себе меркитского отпрыска, не прошло незаметным ни для своих, ни для чужих. Мать Оэлун с первого взгляда увидела, что худшие ее ожидания сбылись, что Бортэ все-таки понесла от меркитов. Но присмотревшись к сыну и невестке, она увидела, что они сохранили между собой добрые отношения, пережив свое горе, смирились со случившимся, и на этом было успокоилась. «Может быть, никто и не узнает, останется эта тайна между нами», – думала она.

Однако надежда ее порушилась через несколько дней. Как-то вечером все они сели за общую трапезу, собираясь утолить накопившийся за день голод. Тэмуджин с нукерами только что приехал от ближнего табуна, младшие братья вернулись с гусиной охоты.

Мать Оэлун и Бортэ быстро расставили на столе молочную пищу: творог, сметану, пенки, сыр, хурунгу. В очажном котле слабо дымилась арса...

В круг расселись братья и нукеры, тут же была и старуха Хоахчин. Тэмуджин с Бортэ сидели рядышком. И тут шестилетний Тэмугэ выдал то, что, видимо, угнетало его все эти дни.

– А что, – спросил он у матери, когда та подавала ему чашку с арсой, – теперь в нашем роду будут меркиты?

В юрте сразу стало тихо, братья примолкли. Мать Оэлун от неожиданности застыла, перестав черпать ковшиком из котла. Опомнившись, она строго прикрикнула:

– Какие еще меркиты, ты что тут болтаешь?

– А вот Хучу сидит, да еще невестка Бортэ скоро родит...

Хасар, потянувшись, крепко стукнул его по спине. Тот заплакал, заорал в голос:

– Что я, виноват, когда все говорят об этом?

– Кто говорит? – быстро спросила Оэлун.

– Все мальчишки в курене говорят...

На него накиннулись братья, заставили замолчать, но слово было уже сказано. Бортэ сидела вся красная, опустив голову. Тэмуджин промолчал, досадливо взглянув на Тэмугэ и украдкой покосившись на жену. Нукеры сидели с бесстрастными лицами, будто не слышали ничего...

С этого дня, как ни старались они замять постигшую семью напасть, забыть про нее, какое-то неуловимое напряжение сквозило между Бортэ и самыми младшими братьями, по юной горячности не примирившимися с тем, что среди них будет отпрыск злейших врагов их семейства. Хачиун и Тэмугэ, прежде ласковые и игривые с невесткой, теперь отчужденно отмалчивались при ней, старались побыстрее уйти, будто она была заражена дурной болезнью. Видно, слишком остро запомнился им страх перед меркитами, когда еще совсем недавно, летним утром они стремглав бежали от них, словно беспомощные косули от своры хищников.

Хасар и Бэлгутэй, вернувшиеся из похода заметно повзрослевшими, вели себя по-другому: они ничем не показывали своего отношения к беременности Бортэ, всем видом давая понять, что дело это старшего брата и их не касается. И лишь маленькая Тэмулун, донельзя обрадованная ее возвращением, по-прежнему ластилась к ней, как годовалый телок, лезла со своими детскими разговорами.

Бортэ, лаская ее, украдкой вытирала слезы и утешалась мыслью, что главное для нее – это то, что муж и свекровь стоят за нее. И забывала обиду на младших братьев, думая: «Пройдет время, они вырастут, наберутся ума и все поймут. А сейчас я дома, у своих, и муж, и свекровь стоят за меня, все мои права остались при мне. Вот что главное, а все плохое пройдет и забудется!»

V

На другое же утро после того, как поселились на новом месте, Хасар с Бэлгутэем вышли из своего айла, подозвали троих подростков, игравших в бабки у соседнего айла. Те подошли.

– Вы какой сотни? – спросил Хасар, оглядывая их.

– Первой, – сказал по виду старший, парень лет десяти.

– Вот что, – сразу перешел к делу Хасар, – сейчас вы объедете айлы своей тысячи и передадите всем мой приказ: парням от девяти до одиннадцати лет собраться на северной стороне, на конях, с оружием.

Вернувшись в свою юрту, они взяли оружие, заседлали коней и выехали за курень, на условленное место. Спешившись на верхушке бугра, сидели, поджидая, когда соберутся все. Кони их на длинном поводу пощипывали скудную на сухой земле траву.

У крайних юрт понемногу начинала скапливаться толпа конных подростков. Они негромко переговаривались, выжидаяще посматривали в сторону своих новых нойонов. По толпе сновали те же двое, что были посланы с приказом, пересчитывали людей по головам. Наконец они направились к бугру, поднялись по склону, и тот, что был постарше, доложил:

– Сейчас собралось сто четырнадцать парней. Около шестидесяти не оказалось в курене, с утра уехали, одни рыбу ловить, другие – на тарбаганов охотиться. К вечеру все будут.

– Ладно, пусть построятся в ряд вот здесь. – Хасар указал на место под бугром и, взнуздав своего жеребца, вспрыгнул в седло.

Дождавшись, когда густая толпа, растягиваясь, выстроилась неровным, волнистым рядом, братья легкой рысью спустились с бугра. Хасар крепко натянул поводья, останавливая коня и, острым взором оглядывая строй, крикнул:

– Отныне вы будете в моем отряде. Будете жить по приказам моим и моего младшего брата. Сейчас мы посмотрим, что вы за люди, на что годитесь, а потом я вам скажу, что будете делать.

Он начал смотр отряда. Подъехав к правому краю, молча оглядев первого и второго, у третьего он приостановил коня.

– Это что за узда? – насмешливо спросил у невзрачного, низкорослого паренька. – Ты ее, видно, из веревки для подвязывания коровьих ног сделал. Прицепил удила и думаешь, что это узда?

Тот пристыженно заерзал в седле, украдкой косясь по сторонам. Другие подростки с любопытством вытягивали шеи, глядя, к чему придрался новый нойон, перешептывались.

– Чтобы к завтрашнему утру я видел настоящую узду, а не то выгоню из отряда. Будешь овец пасти.

Тронув дальше, через троих или четверых всадников он снова придержал коня.

– А это что за колчан? Это не колчан, а сума нищего бродяги. Я такую видел у одной меркитки, когда гнали пленных. Таскала в ней вяленую рыбу и кормила детей. А может, ты у нее украл суму и прицепил вместо колчана?

Вокруг раздался сдержанный смех. Обиженный подросток огрызнулся:

– Не у всех ведь саадаки обшиты шелком да бархатом.

– Ты еще пререкайся будешь со мной? – Рука Хасара привычно взялась за толстую рукоять плети, засунутой за голенище гутула. – Прижми язык и помалкивай, когда нойон говорит, а не то я тебе быстро спину освежую.

Глаза его зло сузились, однако, поглядев на понуро опущенную голову парня, он так и не вынул плеть.

– К утру чтобы был настоящий колчан, – сказал он и тронул коня дальше.

Бэлгутэй, глядя на брата, так же давал указания парням.

– А у тебя что за оперения на стрелах? С этими ты на врагов выйдешь, если нападут сейчас? – склонившись в седле, допытывался он у смущенно нахмурившегося парня. – Три дня даю, чтобы были наклеены новые, да чтобы древки все были очищенные. Сам проверю.

Они еще долго осматривали свой отряд. Наученные за прежние годы строгостями старшего брата, они придирались к самым малым неисправностям. К концу осмотра у большей половины парней нашлись неполадки.

– Кто в три дня не наладит сбрую и оружие, тех на этом же месте будем судить и бить прутьями, – объявил Хасар. – А теперь посмотрим вашу стрельбу.

Пускали стрелы-годоли[2 - Годоли – стрела с тупым наконечником, с костяной или деревянной шишкой вместо острия.] по скрученным в клубок кожаным ремням – по три раза со ста шагов. По трое подходили к черте и старательно выцеливали черневшие вдали маленькие, с ягнячью голову, мишени. Хасар и Бэлгутэй, не сходя с седел, смотрели со стороны. Когда отстрелялось большинство, Бэлгутэй сказал Хасару:

– Видно, не зря нас брат Тэмуджин заставлял стрелять да носиться с оружием. Этим еще далековато до нас. А ведь я всегда думал, когда мы вот так стреляли по мишеням: для чего он нас изнуряет каждый день одним и тем же? Думал, что плохого, если я день-другой пропущу, что от этого изменится, а вот оказалось, что не зря.

Хасар в ответ лишь неопределенно хмыкнул, не отрывая взгляда от стрелявших. Дождавшись, когда закончили стрельбу последние, он выехал вперед. Пренебрежительно усмехнулся:

– Ну, хоть луки держать умеете, и то ладно. А теперь будете учиться стрелять по-настоящему. Смотрите, как надо.

Он повернул коня, вынул из колчана стрелу, приложил к тетиве и, подняв лук высоко к небу, пустил с предельной оттяжки. Стрела сделала большую дугу, на излете блеснув желтым древком, и воткнулась в землю намного дальше черневших мишеней – шагах в двухстах пятидесяти, под склоном сопки. Синее оперение виднелось над колышущейся рябью ковыля. Хасар приладил к тетиве вторую стрелу, рывком натянул ее, ненадолго замерев, пустил. Стрела коротко прозвенела, уносясь по прямой, и через мгновение вдали исчезло торчавшее в траве синее оперение. По толпе подростков пронесся восторженный гул.

– Вот это истинная стрельба!

– Редко кто сможет так, – подобоострастно глядя на Хасара, переговаривались стоявшие поближе.

– А сейчас будем стрелять на скаку! – гордо нахмурившись, объявил тот. – Всем сесть на коней!

Вышедшие посмотреть на подростков несколько согбенных стариков, стоя у крайней юрты, покачивали головами, обсуждая стрельбу второго сына покойного Есугея.

- И недолго целился, сразу видно, что привычен к стрельбе, - говорил один, остро прищуриваясь в сторону исчезнувшей вдали стрелы.

- И кто его так научил, отца-то давно нет, - изумленно вторили ему другие. - Жили одни, без сородичей, а обучен лучше всех.

- Вот уж верно говорится: от овцы - овца, от волка - волк. Отцовская кровь никуда не денется.

- Видно, что нойоны. Только вчера съехались, а они уже собрали стаю, занялись своим делом.

- Вот и хорошо, пусть займутся делом, а то болтались бы по куреню, шумели без толку...

- Отцы да братья в походах, в караулах, некому и присмотреть за ними...

- Слава богам, появились у нас настоящие нойоны.

- У хороших нойонов и воины будут хорошие.

- С такими внуками нам и помирать спокойнее будет.

- Верно говоришь.

- Ну, доживем до следующей осени или нет, будет видно, а эту нельзя упускать, кто угощает на этот раз?

- Я с утра велел поставить котел, уже остыло, должно быть.

- Ну что ж, пошли к тебе. А старуха не будет ворчать?

– Ты что, меня не знаешь? Когда ты видел, чтобы на моих гостей у меня дома кто-то косился?

– Ну, тогда пойдём.

Старики, мелькая на солнце гладко оструганными посохами, поплелись гурьбой между юртами.

За куренем продолжались игры подростков. Те, с криками разгоняя своих коней во весь опор, пускали стрелы по тем же чернеющим в траве мишеням.

VI

Тэмуджину было не до семейных споров и недомолвок. Владея теперь, вдобавок к отцовскому войску, огромным поголовьем скота и пленных, пригнанных из похода, пастбищами, занятыми его улусом, он всеми помыслами был там, среди своих сотен и тысяч, при стадах и табунах... Нужно было все это вдруг попавшее в его руки владение устроить, разделить между подданными, разместить по урочищам, назначить пастухов, дойщиков, дать им жильё и снаряжение.

С утра до вечера он был занят делами по хозяйству, обсуждал их вместе с тысячниками, устанавливал порядки, объявлял приказы, запоминал, где и что у него имеется, старался не забывать сказанные им и услышанные от других слова, свои и чужие обещания. Часто и подолгу он задумывался о своих отношениях с другими улусами, о собственном положении среди них, рассчитывал свой вес среди нойонов, думал и о нынешнем мирном времени, и о завтрашнем дне: что нужно будет предпринять, если на его улус нападут враги...

И все время где-то рядом, вместе со смутной тревогой на душе, маячили мысли о необходимости решить наконец дело со своим противником Таргудаем, вернуть от него отцовские табуны и подданных. Взволнованно гадал он о том, как тот воспринял весть о разгроме меркитов и восстановлении улуса Есугея.

«Уж конечно, не обрадовался, – думал он, стараясь разгадать потаенную, чуждую ему душу. – Наверно, встревожился и теперь выжидает, как я дальше поступлю, подсчитывает, сравнивает наши силы...»

Тэмуджин внутренне готовил себя к тому, чтобы вновь столкнуться с ним – если и не отомстить ему за гонения прошлых лет, то хотя бы потребовать возврата отцовского имущества. В семье все прошедшие годы не забывали об этом и время от времени обсуждали – особенно часто заводила разговоры об этом Сочигэл, – вспоминая, сколько и чего им должен Таргудай, а теперь, по возвращении отцовского войска, как явственно чувствовал Тэмуджин, все ждали от него решения и по этому делу.

Первым об этом заговорил Хасар. В один из вечеров, когда сидели всей семьей за очагом, он вдруг спросил:

– Брат, а когда мы за Таргудая возьмемся?

Тэмуджин, утомленный многими делами и прибывший домой с единственным желанием отдохнуть, был раздосадован не ко времени заданным вопросом.

Сдерживая раздражение, он сказал:

– А ты что думаешь, это простое дело?

– А чего там трудного? – тот удивленно повертел головой. – Мы целое меркитское племя разгромили, а этих тайчиутов нам как тарбаганов разогнать.

– Меркитов мы с помощью Тогорил-хана и анды разгромили, – напомнил ему Тэмуджин и взялся за еду, показывая, что не желает об этом говорить.

– Ну и теперь почему бы не позвать их, – не отставал Хасар. – Ведь Тогорил тебе обещал помочь вернуть отцовский улус. И Джамухе что стоит снова подняться с нами? На то и анда. От Таргудая только шерсть полетит.

Тэмуджину не хотелось сейчас объяснять ему, что у него сложились другие отношения с ханом и андой, да и задело его то, как легко рассуждает брат о его делах.

– А ты не подумал, что это будет новая война в племени? – спросил он, теряя терпение. – Таргудай, думаешь, захочет отдать нам все просто так? А за ним стоят другие роды. Меркитов мы разгромили, потому что они чужие и всегда были нам врагами. А борджигины хоть плохие, но свои. Что люди скажут, если мы натравим на них керейтов с джадаранами? Эти ведь не просто так пойдут, они будут грабить, хватать что попало, да и неизвестно еще, сколько крови прольется... Ты хоть немного думаешь перед тем, как сказать слово?

Хасар замолчал, обиженно опустив взгляд.

– Если не понимаешь ничего, – Тэмуджин озлобленно смотрел на него, – сиди и молчи, а я сам решу, когда что начинать.

Больше в семье не заговаривали об этом. И сам Тэмуджин заставил себя на время забыть о предстоящем деле с Таргудаем, с головой ушел в устройство улуса.

Все последующие дни он ездил с нукерами по дальним урочищам, редко ночуя в своем курене, осматривал пастбища, заселял их людьми, назначал старших. Осматривал он и вновь основанные войсковые курени. И с каждым днем, вникая в новое для себя большое дело, он все больше ощущал на душе тяжесть огромного владения, павшего на его плечи. Слишком обширны были его земли, слишком много было на них людей, войск, скота и лошадей, чтобы охватить их всех мысленно и уследить за тем, что среди них происходит. Каждый курень, стойбище, каждая войсковая тысяча и сотня жили своей внутренней жизнью, часто соперничая между собой, высматривая свои выгоды в ущерб другим, и нужно было все время присматривать за ними, предупреждать споры, держать свой ум в напряжении, управляя всем улусом.

Табунщики, коровьи и овечьи пастухи подъезжали к нему со своими требованиями, ожесточенно споря между собой из-за границ занимаемых ими урочищ, жалуясь ему на самовольные захваты. Приходилось вновь и вновь пересчитывать пастбища, перегоняя стада и табуны с одного места на другое, уступая одним за счет других – чтобы хватило всем до зимы.

Тысячники слушали его, обсуждали вместе с ним дела по улусу, что-то советовали, но Тэмуджин внутренне чувствовал, что они не так, как он сам, болеют за общее дело – а больше думают о своей выгоде, да о том, что будет

лучше для своих куреней, которыми они управляют. Они соглашались с ним, исполняли его приказы, а думать по-настоящему и принимать решения приходилось ему самому.

«Один отвечаю за всех, за подданных, за их семьи, за весь улус, – изредка, оставаясь наедине, между делами, думал он. – Перед отцом, перед предками, перед хаганами и тэнгэри... Но смогу ли? Одна ошибка – и все может рухнуть. Если погублю улус, не сумею удержать, позор мне перед всеми, соплеменники скажут: куда ему править таким улусом – сопли еще не просохли. И что я буду делать? Люди, вставшие под мое знамя, разочаруются и уйдут от меня...»

Одним из самых важных дел после окончания похода было принесение жертвы богам и духам предков за помощь в спасении жены, за возвращение отцовского войска, за победу над врагами – нужно было воздать им за все, как полагается.

Возвращение отцовского войска под старое знамя, о чем он исступленно мечтал с той самой поры, как его бросили сородичи и ограбил Таргудай, он считал самой великой наградой от небожителей из всего, на что он мог рассчитывать.

«Большого я и не смею просить, – растроганно думал он. – И ханом, как предсказывали шаманы, если не стану, то и не сильно пожалею».

Так же и дарованную богами победу над меркитами в самом начале своей нойонской жизни он считал величайшим подарком – он не помнил, чтобы кому-нибудь другому в двенадцатилетнем возрасте удавалось совершить такой подвиг. Даже на похищение Бортэ, на мучительное расставание с ней он теперь, остыв от первых душевных мучений, стал посматривать по-другому.

«А не нарочно ли это послали мне боги? – вдруг осенило его в один из вечеров, когда, как обычно, уединившись, он размышлял над своими делами. – Если меркиты не захватили бы ее, я ведь не пошел бы в поход на них. Наверно, сейчас я был бы рад тому, что остался жив, что никто из моих домочадцев не пострадал, да и укочевал бы в другое место, может быть, к Джамухе или к Тогорил-хану, или до сих пор отсиживался в хамниганском чуме, ограбленный, нищий. Ясно, что без потери Бортэ не было бы этой победы, этого возвышения. Не знак ли это свыше?.. Родился я с кровавым сгустком в руке и начинаю властвовать в своем улусе с великой кровью. Наверно, это все неспроста. А может быть, то, что Бортэ понесла от меркитов, – плата за все? Или какой-то урок, который я должен понять, уяснить для себя? У кого спросить? У Кокэчу?.. Нет! Пока не нужно связываться с ним больше меры, слишком он высокомерен».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Улари (месяц заморозков) – осенний месяц у древних монголов, соответствует сентябрю григорианского календаря.

2

Годоли – стрела с тупым наконечником, с костяной или деревянной шишкой вместо острия.

Купить: https://tellnovel.me/ru/gatapov_aleksey/temudzhin-kniga-4

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)